

=====

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ**

**ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ**

© 2017 г. К.А.Абульханова^{1*}, В.А.Кольцова^{2**}

**ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия;*

e-mail: ipras-contact@mail.ru

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия;

***ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия;*

e-mail: ipras-contact@mail.ru

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия

Аннотация. Предметом рассмотрения выступают история, современное состояние и перспективы разработки проблем методологии отечественной психологической науки. Раскрывается система основополагающих методологических принципов и подходов психологии – единства сознания и деятельности, детерминизма, развития, соотношения биологического и социального, социальной обусловленности личностно опосредствованной психики, деятельностного, субъектно-деятельностного и онтологического подходов, принципов исторического, комплексного, системного и психосоциального исследования психического. Определяется область и конструктивные возможности их применения в исследовании психической реальности. Анализируются исторически изменяющееся определение предмета психологии, понимание природы и сущности психического. Намечаются наиболее перспективные методологические подходы, интегрирующие все методологические принципы и открывающие новые горизонты для развития психологического знания – психосоциальный и субъектный.

¹Академик РАО, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт психологии РАН.

²Доктор психологических наук, профессор, заместитель директора ФГБУН Институт психологии РАН.

Ключевые слова: методология психологии, методологические принципы, проблемы, предмет психологии, человек и мир, личность, субъект, деятельность, общение, жизненный путь

ВВЕДЕНИЕ

Советская психология наконец достигла соответствия наименованию *отечественная*, восстановив, оценив и включив на рубеже веков в свою сокровищницу всю многовековую историю русской мысли – философии и науки, психологического познания. Она пронесла через все испытания свой «русский дух», укрепила свои русские корни, которые еще со времен воителей Дмитрия Донского и Александра Суворова, Петра Первого и защитников Отечества от наполеоновского нашествия, чудотворцев слова и кисти Гоголя, Островского, Достоевского, художников-передвижников и многих других творцов русской культуры были основой духовных сил, побед и достижений русского народа.

В нелегких условиях послереволюционного слома культурных традиций, идеологических репрессий 1930-х и 1950-х гг., в период суровых испытаний военных лет психология утвердила и доказала свою практическую значимость, отстояла свое место в системе наук и в обществе, простроила собственную сложнейшую систему как науки, раскрыв свою сущность в решении фундаментальной проблемы исследования – психологии *Человека, живущего в Мире* (С.Л. Рубинштейн).

Ее корифеи – Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.Р. Лурия, В.Н. Мясищев, Я.А. Пономарев, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, Д.Н. Узнадзе и другие выдающиеся психологи своим талантом, творчеством, самой жизнью не только разработали стержневые теоретико-методологические проблемы психологии, утвердили культуру научного исследования, создали научные институты и обеспечили их успешное функционирование, но и показали, что способна дать психология самой жизни человека – социальной и

духовной. Они выявили и научно презентировали все *ипостаси* человеческого существа: его природную, личную и общественную сущность – телесно-физическую, психофизиологическую, эмоциональную, потребностно-мотивационную, интеллектуальную, саморегулирующуюся, деятельностьную, экзистенциальную, сознательную, душевную, духовно-нравственную, а также способности и качества человека – как индивида, личности, субъекта, индивидуальности.

СОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Отличительной чертой отечественной психологии XX в. при всем разнообразии ее направлений, теорий, подходов и противоречивости самого процесса познания стало ее *единство*. Часто это рассматривается как исключительно следствие государственной политики и идеологии и не принимается во внимание, что глубинные корни этого явления – в исторической преемственности психологической мысли, направленности исследователей (при всех различиях позиций, предметов исследования) на построение единой науки, в присущем отечественной психологии целостном, системном способе познания психического, в наличии культурных традиций (ориентация личности на сотрудничество, а не конкурентное взаимодействие), способствующих формированию *коллективного субъекта научной деятельности*.

Другой отличительной особенностью отечественной психологической науки является ее глубокая *связь с философией*, которая не оборвалась после становления психологии как самостоятельной науки. Такой степени связи с философией нелегко найти в психологии XX в. в других странах, где она проявлялась скорее в том или ином способе мышления, но не в раскрытии роли самой философии для психологии. Опираясь на прямые и косвенные источники, можно сказать, что в XX в. советское общество в целом было наиболее философски образованным. В СССР это было в определенной степени социально санкционировано. Применение марксизма к психологии,

являясь и творческим, и вынужденным, на этапе становления советской психологии и в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. носило противоречивый характер. Однако психология обеспечила историческую преемственность с русской философской мыслью, с мировой философской классикой и, главное, осуществила преобразование последней в *новую философскую парадигму* методологию как *стратегию психологического познания*.

Разработка же *методологических принципов психологии*, опирающаяся на конструктивные положения методологии наук в целом и особенно на новую философскую парадигму, которая создавалась одновременно с доказательством операциональности этих принципов для психологического познания, позволила достичь внутреннего единства философии и психологической науки при наличии в ней различных направлений, теорий и проблем. Это достижение оказалось возможным потому, что оно было осуществлено одним и тем же человеком – философом и психологом одновременно. Доказательством продуктивности этих преобразований философских положений в психолого-методологические явилось признание ключевых методологических положений всем психологическим сообществом и реализация открывшихся на этой основе возможностей в конкретных теоретико-эмпирических исследованиях. Так обстояло дело с реализацией принципа единства сознания и деятельности, личностного принципа, принципов детерминизма, системности, субъекта. Принцип же развития – в его более универсальном и более конкретных значениях – был и мировым, и отечественным истинно коллективным достижением и достоянием, имманентно присущим всем историческим, философским традициям, начиная с диалектики Аристотеля, Платона, Гегеля, и включая диалектичность дореволюционной отечественной философской мысли и самой российской культуры.

Прорывы механицизма и метафизики, как в философском мышлении, так и в психологическом познании, носили ограниченный характер и были связаны не только с неумением применять диалектику, но с

объективной трудностью этого применения к таким сложнейшим объектам, какими являются психика и сознание.

Научно-методологическая методология, связанная с реализацией в психологии системного (Б.Ф. Ломов и др.), синергетического, междисциплинарного (В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев и др.) и, если можно так выразиться, космогонического (В.А. Вернадский) подходов, позволила одновременно простроить опорные «стропила» психологии и реализовать диалектику в раскрытии *целостности* в исследованиях ее многокачественного объекта, определить ее предмет в необходимой для всякой науки определенности (в статике) и в процессе самого познания (в динамике).

В западноевропейской и в целом в мировой методологии науки существуют разные точки зрения и определения ее роли: одни отмечают инвариантность методологии как некоего познавательного «клише», аксиом; другие подчеркивают ее гипотетичность для *процесса познания*, а вместе с тем – ее изменчивость в зависимости от его продвижения (см. Малкей, 1983; Наука о науке, 1966; Полани, 1985).

Позиция отечественной психологии в отношении этой дискуссионной проблемы отличается тем, что она обладает целой совокупностью методологических принципов в исторической последовательности их разработки, что позволило определить функциональную роль методологии в целом (Абульханова, 1973; Гносеология в системе..., 1983; Кольцова, 2004; Ломов, 1984; Мазилев, 2001; Рубинштейн, 1989; Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1990; Степин, 1990; Философия и наука, 1972; и др.). Это, в свою очередь, снимает абстрактную трактовку роли методологии в процессе познания. Применение каждого методологического принципа в конкретном исследовании не ограничивается отсылкой к этому принципу, а требует его расшифровки, интерпретации с позиции рассматриваемой *проблемы, предмета* исследования.

Это соотношение методологических принципов и процесса психологического познания остается даже к концу XX в. еще недостаточно

научно-исследовательски осмысленным. Частично это было вызвано влиянием догматизма общественного сознания эпохи тоталитаризма на мышление людей, в том числе ученых. Говоря точнее, научной позиции психологов реально были свойственны диалектичность и творческий характер мышления, но социальная позиция в науке, подвергавшейся идеологическому прессингу, навязывала им необходимость декларации лозунгов, ссылок на классиков и «общие места».

Об этом стоит напомнить, чтобы определить отношение к провозглашаемому сегодня принципу плюрализма и нередко наблюдающемуся отрицанию роли методологии, являющимся следствием влияния идей постмодернизма. Очевидно, что последнее справедливо, если методологию сводить к догматически понимаемым положениям марксизма-ленинизма. Однако для всякого здравомыслящего, не говоря уже о профессионале-психологе, ясно, что отечественные методологические принципы отвечают новому философскому мышлению и, одновременно, являются обобщением на философской основе огромного исследовательского опыта психологической науки и поэтому служат построению программ новых исследований. Что же касается плюрализма, то его требование справедливо как протест против стандартизации науки, призыв к повышению уровня творческого мышления, выражение потребности в новых идеях, наконец, как условие признания авторства в науке.

По поводу последнего можно сказать, что в отечественной психологии уже давно стало традицией именовать ту или иную теорию как авторскую (теория отношений В.Н.Мясищева, теория саморегуляции О.А.Конопкина и т.д.), независимо от того, что в ее разработке участвовал коллектив, руководимый автором, а также другие психологи, занимающиеся исследованием данной проблемы. Что же касается плюрализма мнений, различия точек зрения на одну и ту же проблему, то даже в советский период отечественная психология отличалась своей дискуссионностью (дискуссии

по проблемам личности, деятельности, общения, способностей и т.д.), что свидетельствовало, однако, не об индивидуализме научных позиций, а о наличии в психологии проблем и противоречий, требующих совместного обсуждения. Негативный аспект этих дискуссий проявлялся в том случае, если каждый из оппонентов не слышал позиции другого, не мог (или не хотел) их понять, поскольку был мотивирован только отстаиванием своей точки зрения, не стремясь к совместному продвижению в решении проблемы. Серьезным недостатком было также использование огульной критики и необоснованных обвинений в адрес оппонента. К сожалению, в советский период психологическая наука не смогла избежать социальных болезней своего времени. И тем более значительным на этом фоне является ее поступательное развитие и достигнутый ей уровень единства.

По сути, благодаря творческой деятельности наших ученых была создана *единая научная школа советской психологии* в ее широкой трактовке как школа-направление, охватывающая различные научные сообщества и школы – исследовательские коллективы в традиционном понимании этого слова³. Известно, что конституирующим признаком любой научной школы как целостного образования, каков бы ни был ее масштаб, является наличие *единой концептуальной основы и исследовательской программы*, выступающих в качестве ее системообразующего основания. В этом плане идеи И. Лакатоса о роли научной программы как конституирующего начала существования любой научной теории применимы для характеристики научной школы (Лакатос, 2008). Представляет интерес мысль Лакатоса о том, что критерием научности

³ Следует отметить, что в научной литературе выделяются *три типа* научных школ: *научно-образовательные школы*, формирующие будущих исследователей путем включения их в определенную идейно-теоретическую и экспериментальную традицию (школа МГУ, ЛГУ...); *школа – исследовательский коллектив*, представляющая собой группу ученых, совместно разрабатывающих под руководством лидера (главы школы) выдвинутую им исследовательскую программу; *школа-направление в науке*, возникающее благодаря установлению традиции, охватывающей целый ряд ученых и коллективов (это, например, французская или американская школы психологии).

программы выступает прирост знания, обеспечивающийся ее предказательной силой.

В связи с этим возникает вопрос: существовало ли единое концептуальное основание, объединяющее ученых и научные исследовательские коллективы (школы) и задающее нормы и способы проведения исследовательской деятельности? И если да, то каково его содержание?

Анализ показывает, что в качестве общего *системообразующего основания* психологического знания советского периода выступали его *базовые методологические положения*, включающие понимание природы и сущности психического, методологического познания, а также системы основополагающих принципов психологического исследования.

И это логично и объяснимо, если вспомнить, как происходило формирование нашей психологии в послереволюционный период. Оно началось именно с разработки ее методологических основ.

Молодое пролетарское государство в условиях продолжавшейся острой классовой борьбы в директивном порядке внедряло свою идеологию – марксизм – во все сферы жизни, включая науку. Какие-либо иные альтернативы в выборе научных позиций в этих условиях исключались. Ставилась задача создания единой *монометодологической науки*, единственным философским основанием которой провозглашалось марксистское (позже – марксистско-ленинское) учение. Таким образом, философское основание было *задано изначально*, и только в этих обозначенных рамках должна была развиваться психологическая наука в советском государстве. Одновременно решительная борьба велась против любых других философских течений и тех научных идей, которые на них опирались. Они объявлялись «классово враждебными» и подвергались разгрому по законам революционного времени. Так, в 1922 г. выходит известная работа Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой содержится призыв «пробудить людей от религиозного сна». Вслед

за этим на волне начавшейся широкомасштабной борьбы с религией запрещается духовно-религиозное философско-психологическое направление, а его представители, составляющие цвет русской нации, высылаются за пределы государства. Далее последовало запрещение фрейдизма, поведенческого направления, педологии, психотехники, социальной психологии. Каким-то из этих направлений предъявлялись «обвинения» (например, педологии, рефлексологии и реактологии), другие закрывались решением неких высших инстанций без каких-либо публичных аргументаций и объяснений. Конечно, научный поиск не гарантирован от «тупиковых путей», и можно указать на ошибочные положения в педологии или рефлексологии, но их выявление и исправление – дело самой науки, теоретического осмысления и рефлексии ею собственного пути развития. Именно такова была логика развития западной психологии, где, например, осознание самим научным сообществом узости и неадекватности моделей поведения, лежащих в основе бихевиоризма, привело к смене его необихевиоризмом, и сегодня определяющим «лицо» американской психологии. В отличие от этого, в нашей стране поведенческое направление, по образцу и под влиянием которого происходило становление американского бихевиоризма, в исследовании психологии человека было фактически уничтожено, сохранившись лишь в области зоопсихологии и сравнительной психологии. А вместе с ним исчезла категория «поведение», замененная при описании его феноменологического поля категорией деятельности.

Все это свидетельствует о том, что построение отечественной психологии советского периода происходило *сверху и под жестким идеологическим контролем государства*: от заданной философской основы – к разработке теории и методологии конкретной предметной области и далее – к развертыванию на этой основе исследований психической деятельности. По сути, это был сугубо *дедуктивный* путь построения психологии, что при отсутствии альтернатив в выборе ее исходных философских оснований все

же создавало предпосылки для построения единой системы психологического знания.

Поставленная перед психологией задача «перестройки на марксистских основах» выдвинула перед учеными серьезные проблемы. Важно было определить способ включения марксистских идей в структуру психологического знания, их наиболее адекватного использования в качестве основополагающих философских принципов исследования психического. Конкретно-предметное осмысление и реализация философских принципов в изучении психической реальности стало специальной проблемой методологического анализа.

Наиболее простой путь решения этой задачи, как известно, отстаивал К.Н. Корнилов, предложивший использовать в качестве методологических оснований психологии предельно широкие диалектические принципы – переход количества в качество, единство и борьба противоположностей, отрицание отрицания – в их буквальной трактовке, без какой-либо адаптации и содержательного переосмысления применительно к предметной области психологии.

Иной способ освоения марксистской теории реализовали С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев и многие другие известные ученые. Они выступали против механического переноса гносеологических и диалектико-материалистических принципов и положений в область психологических исследований, считая необходимым их использование лишь в качестве отвечающих задачам разработки собственной методологии психологии.

Наиболее ярким образцом продуктивного и творческого освоения марксистской философии как основы методологии психологии выступают работы С.Л. Рубинштейна, признанного лидера, крупнейшего методолога и теоретика психологической науки в СССР. Выбор Рубинштейном марксизма как философской основы психологии являлся осознанным, теоретически и этически обоснованным. Он видел в *марксистской философии* блестящее

завершение немецкой классической философии, одновременно осознавая ее эвристический научный потенциал. При этом Рубинштейн возражал против начетнического взгляда на марксистскую теорию как сумму готовых предписаний и рецептов, решительно отметал примитивные и однозначные трактовки психологических проблем в духе пролеткульта, насаждавшиеся в научной жизни 1920-х – 1930-х гг. Марксизм выступал для Рубинштейна не догмой, а предметом внимательного изучения и выявления его возможностей как научной теории и методологического способа создания в нашей стране новой психологической школы. Определяя пути выхода психологии из кризиса, Рубинштейн указывал на необходимость нового понимания ключевых категорий психологии – сознания и деятельности, адекватную трактовку которых, по его мнению, помогает найти именно марксистская философия, прежде всего, содержащаяся в ней концепция труда человека. Из марксизма им было взято и привнесено в психологию только то, что непротиворечиво укладывалось в рамки ее онтологического понимания, отвечало особенностям ее объекта и предметной области. С.Л. Рубинштейн писал, что «психологическую науку нельзя в готовом виде найти в каких-либо произведениях основоположников марксизма-ленинизма. Ни Маркс, ни Ленин, как известно, не писали специальных психологических трактатов. Поэтому есть лишь один путь для построения советской психологии – это путь творческого исследования» с целью выявления содержащихся в марксизме идей, открывающих подступы к раскрытию сущности психического и способов его научного познания (Рубинштейн, 1997, с. 326). Не случайно особый интерес ученого вызывали ранние рукописи Маркса, в которых, как он писал, «сказано непосредственно про психологию, и вообще про человека...» (там же, с. 328). Анализ идей Маркса приводит Рубинштейна к выделению трех положений, имеющих, по его мнению, «решающее значение для психологии»: это, во-1-х, признание роли труда, практической и теоретической деятельности в формировании человека и его психики; во-2-х, идея обусловленности психического мира человека

создаваемым его деятельностью предметным миром; в-3-х, утверждение о том, что «психология человека – продукт истории». При этом подчеркивается, что в трудах Маркса эти положения даны в конкретном контексте, наложившим «неизгладимый отпечаток не только на их формулировку, но и на их конкретное содержание»(там же, с. 331). Поэтому необходим специальный методологический анализ, позволяющий уяснить «их подлинное содержание и скрытую в марксовских формулировках этой рукописи проблематику» (там же).

Стремление перестроить психологию на основе марксизма определяло также направление методологических поисков известного отечественного психолога Л.С. Выготского. Он считал, что основной путь построения новой психологии – в преодолении методологического кризиса психологической науки, состоящего в ее организационной и теоретической раздробленности, исоздании *ееобщеметодологического основания* или, как он писал, «общей науки». Причем, семантическое пространство понятия «общая наука» у него совпадает с содержанием понятия «методология» в его современной трактовке. Он пишет: «Психология осознала, что для нее вопрос жизни и смерти – найти общий объяснительный принцип...» (Выготский, 1982, с. 309).

В связи с этим Выготский дает определение общей науки, под которой он понимает «учение о последних основах, общих принципах и проблемах данной области знания». Она систематизирует и обобщает материал, предоставляемый частными науками. Конструктивной представляется мысль Выготского о том, что философские системы не могут быть внесены в психологию непосредственно «без помощи методологии, без создания общей науки», понятия которой должны быть сформулированы в русле общей диалектики, «ибо она есть диалектика психологии» (там же, с. 419). При этом он предупреждает о двух возможных ошибках, возникающих при попытках соединения марксизма с психологией: во-первых, это использование отдельных марксистских идей, часто вырванных из контекста, ибо «не

случайные высказывания нужны, а метод»; во-вторых, прямое внесение марксистских положений в психологию, неизбежно приводящее к возникновению схоластических построений и сведению диалектики к совокупности частных методик, т.е. «к грубому искажению и марксизма, и психологии» (там же). Выготский делает заключение о необходимости создания материалистической психологической теории, призванной обосновать способ применения диалектического материализма к исследованию психических явлений: «Психологии нужен свой “Капитал” – свои понятия класса, базиса, ценности и т.п., в которых она могла бы выразить, описать и изучить свой объект...» (там же, с. 420).

Можно было бы привести и другие примеры творческой переработки марксистских идей в психологии в целях создания ее конкретно-методологических оснований. Именно это позволило нашим ученым вычленить и сформулировать *систему принципов*, ставших методологическим каркасом психологии: принципы единства сознания и деятельности, детерминизма, развития, соотношения биологического и социального, личностного опосредствования и социальной обусловленности психики, деятельностного, субъектно-деятельностного и онтологического подходов, принципы комплексного и системного исследования психического.

Задавая ориентиры и определяя нормы осуществления научных исследований, система принципов психологии не является неким завершенным догматическим образованием, развиваясь и обогащаясь в процессе переработки и осмысления накапливаемой психологической фактологии и решения философских проблем психологии. Так, вторая половина XX – начало XXI вв. ознаменовались введением в число основополагающих принципов психологии и развитием принципов системности (Б.Ф. Ломов, А.В. Карпов, В.А. Барабанщиков и др.) и субъекта (К.А. Абульханова, А.В. Брушинский).

С позиции сложившейся методологии осуществлялся и поиск понимания *предмета психологии*. Критика поведенческого подхода, редуцирующего психику человека до уровня составляющей рефлекса в 1920-е – 1930-е гг., а также сведения предмета психологии к сознанию, фактически игнорирующего все другие уровни психического, привела к наиболее полному и емкому определению психологии *как науки о психической деятельности*.

В процессе научных исследований, осуществляющихся на основе *объективного метода* и выделенных принципов, пополнялись и обогащались *трактовка психики*, определение ее природы и сущности, включающие:

- утверждение природы психического как системы избирательного и опережающего отражения действительности;
- раскрытие активного характера психического как фактора культурной эволюции человека, регулятора деятельности и поведения;
- обоснование процессуальности психики, ее развития, проявляющегося в виде единства и диалектики непрерывного и дискретного, а также в способности личности разрешать противоречия;
- утверждение системного характера психического (его строения, развития и детерминации);
- признание единства личности, сознания, деятельности и общения, обеспечивающего осуществление ею жизненного пути (Кольцова, 2010).

Таким образом, в результате творческой деятельности наших ученых была создана *единая целостная система научного психологического знания*, характеризующаяся специфическим *концептуальным ядром*, выступающим в качестве ее парадигмального основания, регулируемая общими методологическими нормами (принципами) организации научных исследований, единым (хотя исторически преобразующимся) представлением о предмете психологии, природе и сущности психического, методе его исследования. Это позволяет рассматривать психологическую

науку советского периода как *единую научную школу*, объединяющую различные исследовательские коллективы (школы) на основе общих методологических положений.

Единство методологических основ позволяло сопоставлять, обобщать и систематизировать данные, накапливаемые в разных исследовательских коллективах, обеспечивало взаимодействие различных областей психологии, результатом чего явилось создание оригинальных фундаментальных теорий и подходов.

В этой продуктивной интеграции разных научных школ состоит яркое отличие и преимущество нашей психологии, ее неисчерпаемый научный потенциал, позволивший нашим ученым добиться *огромных* успехов в познании психического, подняться на высокий уровень теоретического обобщения и осмысления полученного в конкретных исследованиях материала, и выстоять в сложных условиях идеологического давления на науку и военного времени.

Оборотной стороной монометодологической научной школы являлся отказ от всех тех течений, направлений, которые не укладывались в рамки этой методологии, острая критика ряда зарубежных течений, определенный изоляционизм от зарубежной, немарксистской психологии.

Особенностью взаимодействия научных школ внутри единой советской психологии являлась острота научных дискуссий между ними, что позволяло поддерживать в психологии творческую атмосферу, разнообразие исследовательских направлений.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЙ

Задачей современной психологии является не только *дальнейшее развитие методологических принципов*, происходившее чаще всего за счет обратной связи от результатов, проведенных на их основе исследований, не только их *интеграция* (поскольку многие методологические принципы разрабатывались исторически последовательно: сначала принцип единства

сознания и деятельности, затем – личности, позднее – детерминизма и т.д.), но и вытекающее из их единства обоснование *приоритетности* постановки и разработки *научных проблем*.

Повышенная чувствительность русского ума к противоречиям действительности, составляющая особенность российского менталитета в целом, выразилась в специфическом характере мышления – его проблемности. Проблемность, которую С.Л. Рубинштейн назвал «нервом» мышления, присуща и научному познанию – способности строить не только аксиоматическое, но и проблемное знание, т.е. не прерывающее процесс познания окончательно сформулированным выводом.

Оставшееся непреодоленным психологией XX в. «наследие» подчас заключается в импровизационном характере выбора проблемы предстоящего исследования. Безусловно, существует осознанная или не осознанная психологами иерархия проблем, требующих своего исследования (одни из которых называют «назревшими», другие – «тормозящими общее развитие науки», третьи – «вечными», четвертые – «социально» или практически значимыми), но реально существуют проблемы более фундаментальные, существенные и более частные. Поэтому условием развития науки XXI в. и достижения единства психологического сообщества при сохранении оригинальности школ, концепций, т.е. плюрализма психологии, является сосредоточение исследовательских усилий на *фундаментальных проблемах*.

Современная социальная ситуация развития психологии выдвигает на передний план задачу методологического осмысления, поиска путей оптимального соотношения и форм взаимосвязи фундаментальных и прикладных, практико-ориентированных психологических исследований, путей реализации выдвинутого Б.Ф. Ломовым принципа единства теории, эксперимента и практики. К сожалению, в государственной научной политике сегодня явно проявляется крен в сторону практико-ориентированных, прикладных направлений науки в целом и психологии, в частности, при недооценке и крайне неудовлетворительном финансировании

фундаментальных научных разработок. Это чревато серьезными потерями и ослаблением психологической науки.

Что касается социальной значимости исследований, то это в равной мере относится и к тем, и к другим: более того, именно фундаментальные теоретические разработки (несмотря на отсутствие их непосредственного экономического эффекта), продвигающие науку вперед, без сомнения, социально значимы, отвечают насущным потребностям повышения ресурсов и *интеллектуального потенциала* общества в решении задач его инновационного развития.

Осуществление исследований в соответствии с ориентацией на иерархию значимости проблем позволит интегрировать психологию не только на уровне методологических принципов, но представить ее стратегически науковедчески в более системном качестве. Речь идет о достижении более глубокой взаимосвязи различных направлений исследования: социальной психологии с психологией личности; последней – с психологией труда и инженерной психологией (поскольку общим основанием всех трех направлений является деятельность); психологии личности – с дифференциальной и возрастной психологией, в целом – с психологией развития и т.д. Эти связи уже реализованы многими исследователями (Л.Г.Дикая, В.А.Бодров, А.Н.Костин, В.Д.Шадриков, Е.Ф.Рыбалко и др.), но они еще предполагают свою науковедческую рефлексию. Это, в свою очередь, может содействовать более интенсивному развитию психологии, повышению *целенаправленности* ее исследований, *влияния* результатов одного исследования на продуктивность другого, означает, что психология сможет достичь своего более целостного состояния (при всей разветвленности ее областей и направлений) не только как система знаний, но и как система взаимосвязей *исследовательских стратегий познания*.

Высоко значимым вкладом в обогащение методологических основ психологии явилась разработка Б.Ф. Ломовым системного подхода (Ломов,

1975; 1984). Системный подход ориентирует исследователя на рассмотрение любого психического явления как сложно организованного *целого*, включающего совокупность многомерных и многоплановых характеристик (свойств), связанных друг с другом и иерархически выстроенных на основе системообразующего качества, входящего в системы более высокого уровня, обусловленного в своем развитии системой детерминант. В разработке системного подхода Ломов опирался на сформулированные Б.Г. Ананьевым положения о системной организации психических процессов и функций (Ананьев, 1960; 1980), теорию функциональных систем П.К. Анохина (Анохин, 1975; 1978), принцип детерминизма С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1957; 1973), идеи В.П. Кузьмина об органической целостности и интегральных свойствах (Кузьмин, 1980) и др. В рамках системного подхода Ломову удалось интегрировать принципы отражения, личности, детерминизма и развития. И сегодня, в условиях критического переосмысления многих концептуальных положений советской психологии, а часто их необоснованного опровержения, принципы системности исследования, предложенные Б.Ф. Ломовым, обогащенные новыми идеями (Барабанчиков, 2007; Идея системности..., 2005; Карпов, 2004; и др.), сохраняют свое значение как надежные методологические основания психологической науки.

На основе положений системного подхода Б.Ф. Ломова наметилась перспектива исследования системной детерминации психического, взаимодействия детерминант разного уровня, характера их связи – согласованности или противоречий.

Предпосылкой формирования принципов системности выступал принятый и последовательно реализуемый в работах Ломова *антропологический подход*, рассматривающий человека как основной объект психологического исследования, интегрирующий в себе биологическое, социальное и психическое [добавим также духовное – К.А. и В.К.],

выступающий в разных ипостасях – как индивид, личность, субъект, индивидуальность, а, значит, требующий системного исследования.

Исследования процесса мышления, осуществленные под руководством А.В.Брушлинского, дали ему возможность обобщить их в предложенной им *континуально-генетической концепции психического*. Методологической разработке *принципа развития* в 1980-х гг. были посвящены работы Л.И. Анцыферовой, которая провела теоретико-методологическую дифференциацию прогрессивного и регрессивного развития (Принцип развития..., 1978); К.А.Абульхановой, которой были поставлены проблемы личностных «потерь» в контексте противоречий жизненного пути, ведущих не только к развитию, но и к деформации личности, регрессу ее развития, потере идентичности; В.П.Зинченко, Н.А. Логиновой и др. Продолжались классические исследования развития личности ребенка в детской психологии и т.д. Интерпретация развития как восходящего к вершинам совершенствования личности переросла в новое научное направление – *акмеологию*, которое охватило своими исследованиями не только совершенствование личности, но и оптимизацию ее деятельности, общения (Б.Г. Ананьев, Е.И.Степанова, Н.В.Кузьмина, А.А.Деркачи др.).

Интерпретация развития как происходящего во времени дала основания для продолжения исследований времени, начавшихся в психологии в середине XX в. Разработана концепция и новое направление исследований организации *времени деятельности и жизненного пути личности, ее жизненных перспектив* (К.А.Абульханова), а также представлений, переживаний и способов действий личности во времени жизни (В.И.Ковалев, Т.Н. Березина, В.Ф.Серенкова, О.В. Кузьмина, Н.Ю.Григоровская, Л.Ю.Кублицкене, Н.Расстригина и др.), их личностно-типологических и возрастных особенностей (В.Г.Асеев, Е.М.Гареев, З.Б.Шабарова), хронологических особенностей времени (Е.И.Головаха, А.А.Кроник), его восприятия (А.С.Дмитриев, В.П.Лисенкова, Б.И.Цуканов, Д.Г.Элькин и др.). Многочисленные исследования раскрыли способы организации деятельности

во времени (В.А. Денисов, В.И.Ермолович, Д.Н.Завалишина, О.В.Кузьмина, А.Ф.Пчелинов, С.Н.Антосик и др.), планирования и прогнозирования как целеполагания и как предвидения будущего (А.В.Брушлинский и др.). Таким образом, проблема времени как конкретизация принципа развития в конце века вошла в число фундаментальных проблем психологии и, «перешагнув» рубеж века, продолжает разрабатываться в настоящее время (Т.А.Нестик, Е.П.Белинская, В.О.Вкусенко, Д.А.Леонтьев, В.А.Петровский, А.И.Пригожин и др.) в разных аспектах в теоретико-эмпирических исследованиях.

В 1960-е гг. С.Л. Рубинштейном был представлен *методологический принцип детерминизма*. Теоретико-эмпирические исследования, в которых он реализовался в его научной школе и широко за ее пределами, привели к более конкретному представлению о множественности детерминант личности социально-психологических явлений и о различии характера связей различных детерминант на разных уровнях организации психического в целом. Принцип детерминизма опирался на доказательство *онтологической* сущности психического, преодолевая ограниченность его определения как отражения, тем самым открыл возможность исследования *роли внутренних* условий и внутреннего мира личности (В.Д.Шадриков, Л.И. Анцыферова), ее детерминирующих возможностей, «ресурсов» (Л.И.Дементий, Т.Л.Крюкова и др.), ее движущих сил в деятельности, общения и жизненном пути. Принцип детерминизма позволил выстроить систему *внутренней* организации личности, раскрыть *детерминационные возможности* ее осознанной, произвольной и непроизвольной саморегуляции, внутренней детерминации внешне направленной активности личности, ее функционирование в заданных или ею создаваемых условиях (межличностных, групповых, социальных, имеющих место в жизненном пути).

Философское определение С.Л.Рубинштейном «самопричинения» подвело к начавшемуся освоению выдвинутого им еще в 1920-е гг.

философского *понятия, категории, принципа субъекта* как самоорганизации личности и конструирования ею своего жизненного пути, как субъекта деятельности, общения, познания.

Стало реальностью объяснение *неполитерминированного* характера активности, объективации, самореализации личности в жизненном пути уровнем ее притязаний, мотивацией, саморегуляцией, удовлетворенностью, ее сознанием, позитивными/негативными отношениями и т.д. Интенсивная разработка принципа детерминизма, начавшаяся в 1960-х гг. на всех уровнях и во всех направлениях психологии, одновременно привела к сосредоточению исследований на центральной проблеме – эпицентре психологической науки – *личности*, разработке *личностного подхода* и его реализации как методологического во многих исследованиях. Еще недавно, в конце 1960-х гг., конференция ведущих психологов, психофизиологов, психиатров обнаружила однолинейность (или своеобразную прямолинейность) в понимании и трактовке личности. Мнения разошлись по поводу того, определять ли (и, соответственно, исследовать) личность «снизу» (т.е. с ее психофизиологических «основ») (Б.М.Теплов и др.) или «сверху» (т.е. с уровня ее сознания (Б.Г.Ананьев, С.Л.Рубинштейн и др.), или как «носителя» сознания (К.К.Платонов). И уже буквально спустя десятилетие личность стала предметом более глубоких теоретико-эмпирических исследований.

Последовательно изменяется и масштаб исследований личности. Сначала от личности как основания психических процессов произошел переход к исследованию ее структурных характеристик – мотивов, потребностей, способностей, характера и т.д., затем – к личности как субъекту мышления, деятельности, общения и, одновременно, – как к субъекту жизненного пути, а от последнего – своеобразный «возврат» к ее сознанию, но определяемому уже в контексте жизненного пути как особой высшей способности личности. В контексте подхода к личности С.Л.Рубинштейна начались исследования потребностей (И.А.Джидарьян,

Г.С.Тарасов), мотивации (В.Г.Асеев), способностей (Т.И.Артемьева), самосознания (И.И.Чеснокова), мышления (А.В.Брушлинский) уже как личностных механизмов и образований (тогда как ранее они исследовались обособленно от личности).

Исследуются самоопределение, самоактуализация, самовыражение, самоутверждение и саморазвитие личности как разные механизмы и способы ее «объективации» (по Д.Н.Узнадзе) (В.С.Мухина, Н.Е.Харламенкова и др.). Проведены социально-психологические исследования личности – ее поведения, диспозиций, позиций в группе и т.д. (М.И.Бобнева, Е.В.Шорохова, В.А.Ядов и др.). Разрабатываются стратегия *типологических* исследований активности личности, ее модель, связывающая инициативу, саморегуляцию и ответственность (К.А.Абульханова).

В 1980-х гг. оформился институциональный статус проблем личности – по инициативе Б.Ф. Ломова впервые была создана лаборатория психологии личности в ИП РАН (под руководством Л.И.Анцыферовой, позже – К.А.Абульхановой), а в начале XXI в. в составе руководимого В.Д.Шадриковым факультета психологии в структуре ВШЭ открыта кафедра психологии личности (К.А. Абульханова).

К концу века нарастает число исследований личности в совместной деятельности, в общении в разных конкретных областях и направлениях психологии.

Происходило освоение отечественными психологами основных зарубежных концепций личности (Л.И.Анцыферова и др.), а также интенсивное использование соответствующих исследовательских методик. Разрабатываются авторские концепции личности (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, Л.И.Анцыферова, А.Г.Асмолов, Д.А. Леонтьев, Н.А. Логинова, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, А.В.Петровский, В.Ф.Петренко, К.К. Платонов и др.).

Середина и вторая половина XX в. характеризуются сосредоточенностью на *проблеме деятельности*, которая разрабатывается разными школами психологии в различных аспектах. Возникает

новоенаправление исследований – психология управленческой деятельности (Б.Ф.Ломов, В.Ф. Рубахин, А.И. Китов, А.В. Филиппов, А.Л.Журавлев и др.); развиваются классические исследования психологии труда, инженерной психологии (Б.Ф. Ломов, В.А.Бодров, Л.Г.Дикая, Е.А. Климов, В.А. Пономаренко, Ю.К. Стрелков и др.). Разворачиваются исследования *совместной* деятельности.

А.Н.Леонтьевым разрабатывается *деятельностный подход*, согласно которому психика и сознание, их развитие и формирование являются результатом интериоризации различных форм предметной деятельности. В отличие от этого, *субъектно-деятельностный подход* (А.В.Брушлинский)предполагает рассмотрение личности как субъекта деятельности, благодаря чему преобразуется *безличный* подход к деятельности, которая якобы «сама себя осуществляет». Иными словами, происходит интеграция преобразованных на методологическом уровне принципа единства сознания и деятельности и ставшей основанием этого единства категории личности.

Подлинной революцией и в методологии психологии, и в организации психологического исследования, открывшей новые перспективные линии в развитии психологической науки, стало введение Б.Ф. Ломовым категориальный строй психологии категории *общения* и разработка *общепсихологического подхода* к его изучению. Общение рассматривается им как особая, отличная от деятельности, более того, исходно первичная сфера бытия и активности человека, как форма *субъектно-субъектных отношений*, имеющая специфическую структуру и функции, но в то же время органически связанная с другими сторонами целостной жизнедеятельности человека.

Сейчас понимаешь, как нелегко было Б.Ф. Ломову выступить против утвердившегося в психологии и разделяемого многими авторитетными учеными понимания общения как одной из форм деятельности. Но иначе он не мог: им двигало стремление максимально расширить границы и сферу

исследования психической реальности. А для этого необходимо было преодолеть традицию использования одного – монометодологического – деятельностного основания в изучении психических явлений, обеспечить выделение, учет и рассмотрение всех условий и факторов, определяющих их развитие и проявления. Согласно системным воззрениям Б.Ф. Ломова, «человеческое бытие представляет собой многокачественную и многоуровневую систему отношений человека к миру» (Ломов, 1984, с. 245), поэтому его описание (а, равно, построение системы психологического знания) невозможно осуществить, опираясь лишь на одну какую-либо категорию, сколь бы она ни была важна. Именно этим обусловлено использование им в качестве ключевой категории *жизнедеятельности*, охватывающей все формы активности человека – деятельность, общение, познание, самопознание. В этом контексте общение определялось как *самостоятельная, специфическая форма активности субъекта, важный фактор развития психики*. По сути, своим подходом Ломов утверждал *принцип плюрализма* в методологии познания психического.

Онтологический анализ общения привел Б.Ф. Ломова к выводу, что оно охватывает особый класс отношений – субъект-субъектных, где обе стороны взаимодействия отличаются активной позицией. Основой субъект-субъектных отношений является взаимная обусловленность, взаимосвязанность и взаимообратимость целей, мотивов и средств воздействия.

Отсюда вытекал следующий шаг – включение общения в психологический эксперимент, который до этого проводился на основе модели «субъект – объект», предполагавшей изучение психических проявлений изолированного индивида, осуществляющего ту или иную деятельность. А это, в свою очередь, означало реализацию *общепсихологического подхода* к исследованию общения, что являлось принципиально новым в изучении этого феномена.

В 1970-е гг. общепсихологические исследования общения разворачиваются под руководством Б.Ф. Ломова в Институте психологии РАН. Перед исследовательским коллективом, состоящим из сотрудников Института – А.В. Брушлинского, В.Н. Носуленко, Я.А. Пономарева, В.А. Кольцовой, А.А. Грачева, В. Максименко, М.Н. Мансуровой, Л. Степановой, Е. Цукановой и др. – была поставлена задача изучения различных психических процессов в условиях непосредственного взаимодействия испытуемых. Исследования, выполненные по единой, разработанной Ломовым, программе, позволили охватить практически всю совокупность психических явлений: восприятие и оценку слуховых сигналов при решении задач шкалирования; опознание сложных визуальных объектов; запоминание и воспроизведение материала; формирование понятий; решение мыслительных, в том числе творческих, задач; процессы целеполагания и др.

Понятие совместности и ее конституирующего фактора – активного взаимодействия субъектов – было положено в основу разработки теории совместной деятельности, осуществленную А.Л. Журавлевым и логически вытекающую из общепсихологического подхода к исследованию общения.

Серьезное внимание уделяется исследованию *сознания*, которое определяется как *жизненная способность личности*, способ ее самореализации в жизни (К.А. Абульханова, 1973; 2009).

Наряду с этим подходом, сознание определяется и исследуется вне связи с личностью, иногда как идеальная форма деятельности (М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко, Э.В. Ильенков, В.М. Аллахвердов и др.). Между тем, именно раскрытие принадлежности сознания личности открывает перспективу преодоления присущего советской идеологии и практике уничижительного подхода к личности, развития принципа гуманизма, признания ценности личности и, соответственно, ее нравственности.

Начало века знаменуется обращением к методологическому осмыслению психического в контексте философской проблемы «Человек и

Мир», обусловившей расширение границ определения личности и ее сознания. Сознание личности рассматривается как способность охватывать бесконечность времени и пространства – миров и мироздания, других веков и цивилизаций, Вселенной (в ее созданности Творцом и преобразованной научно и практически человеком и человечеством). Когда С.Л.Рубинштейн писал в своем дневнике, что он теперь живет и не в Москве, и не в Майори, а во Вселенной, это свидетельствовало не о его гордыне и не о масштабах познанного им, а о безграничности возможностей человека и его сознания. И с этих позиций сознание перестает сводиться к осознанию действительности вещей и предметов, но предстает как способность личности к обобщению смысла *всей жизни* – своей, других людей, общества, человечества в целом. Эта способность воплощена в ее *мировоззренческих* чувствах.

Сознание, реализующее новые «виртуальные» способы связей людей, а также сталкивающееся с *противоречиями* нашего бытия, не остается или чем-то иллюзорным, лишь абстракцией, или лишь удерживающим личность в пределах обыденности. Для раскрытия реального способа отношения к этим противоречиям мы обращаемся к представлению о *переживании*, которое первоначально связывалось с определением предмета психологии (С.Л.Рубинштейн, 1935; 1940; 1946), позже – с личностью (к такому более личностному определению и исследованию переживаний привели работы А.О.Прохорова и др.).

Способность личности познавать и осознавать реализуется не как идеальная процедура теоретизации явлений, событий, обстоятельств жизни, а как антологический акт, способность личности реально переживать, воспринимать познаваемое, раскрывать его смысл для себя и своей жизни. Для обозначения этого синтеза идеального и реального мы употребляем понятие «экзистенциальное» (отличающееся от принятого в экзистенциальной психологии). И если восприятие предметной действительности происходит, только становясь событием (В.А.Барабанщиков), то «присвоение» миров осуществляется в зависимости

от способности личности *пережить* это своими высшими *мировоззренческими* чувствами как особыми онтологическими механизмами сознания (С.Л.Рубинштейн).

Общепринятое представление о мировоззрении связывает его с высшим уровнем развития личности, ее зрелостью (по Б.Г.Ананьеву) или научным и общественным сознанием. Соотнесение С.Л.Рубинштейном понятий «мировоззрение» (сознание) и «чувства» (личность) открывает новую перспективу – возможность определять *жизненно-экзистенциальную* природу мировоззрения, «взглядов» на мир как *высших* переживаний личности. К высшим личностным чувствам относится *счастье* – переживание вершин человеческого чувства восторга, блаженства, которое определяется И.А.Джидарьян как достижение личности. Разумеется, оно предполагает оптимальное соединение жизненных обстоятельств, но не от них, как таковых, зависит. Его можно сравнить с переживанием *катарсиса*, которое, однако, доступно не всем одновременно слушающим прекрасную мелодию, видящим потрясающий спектакль, созерцающим шедевр художника. В отличие от способностей, которые дают музыканту, писателю возможность переживать редкие состояния творческого вдохновения, способность воспринять и пережить есть *достижение* самой личности, свидетельство того, что она способна к переживанию такого уровня.

С того же онтологического ракурса определяет высочайшее чувство *любви* Т.Л.Крюкова. И не нарушая канонів научности и человечности (для кого-то неожиданно, а для кого-то смело), В.Д.Шадриков обращается к рассмотрению религиозных воззрений, опираясь на понимание *веры* как глубочайшего переживания, достижимого человеком. Связь высших человеческих чувств составляет нравственную основу, проявляющуюся в переживаниях личности: переживание *счастья* обычно связывают с чувством *любви* к человеку, а любовь, в свою очередь, связана и с *верой* в Бога.

В высших чувствах соединяются познание, ум, мысль личности, проникающей в тайны Вселенной, сила ее равнодушия к миру, его

проблемам и противоречиям, выражается сущность ее души. И сама жизнь личности переживается ею, т.е. идеально, душевно и духовно воссоздается ее деяниями и чувствами. Трудная, трагическая или счастливая «полоса» жизни – это обобщение хода жизни чувствами человека. Онтологичность жизни не сводится только к цепи объективных событий или к другим социально измеримым и оцениваемым «предметностям», продуктам, результатам, делам, общению, быту и т.д. *Онтологичность* жизни состоит в том, что ее «ткань» создается личностью из множества разнообразных составляющих и организуется, выстраивается субъектом.

Каждое из вышеперечисленных чувств является *гедонистическим*, придавая и самой жизни *оптимистический* характер (С.Л. Рубинштейн).

Однако в философии жизни бóльшее внимание уделялось *пессимистическим чувствам* (страху, зависти, тоске и др.), особенно в связи с изначальным противоречием жизни и смерти. Причины переживания страха смерти как мотива или нити всей жизни трудно поддавались рациональному объяснению.

Здесь можно высказать пока лишь предположение о том, что *пессимистические чувства* более связаны с *самосознанием* личности, с рефлексией своего «Я» в общем контексте жизни, с общей неудовлетворенностью своей жизнью. *Пессимистическое отношение к жизни, астеническое переживание чувств вины, разочарования, стыда* тоже являются экзистенциальными⁴.

Таким образом, высшие жизненные чувства имеют различную обращенность, направленность, композицию, уровень (глубину переживания и различную степень обобщения, рефлексии). Они обращаются на отдаленное от личностиво времени пространство (и в этом смысле носят более абстрактный характер) или на конкретность собственной жизни, но всегда «обеспечиваются» переживаниями, «перерабатываясь»

⁴С.Л.Рубинштейн внес новый смысл и в понимание природы высших человеческих чувств, связав оптимизм не с пессимизмом, а с *трагичностью* жизни, а последнюю – с ее противоречиями (Рубинштейн, 1997б).

экзистенциально с позиций ценностей. И если в качестве индивидуальности личность проживает жизнь по-своему, т.е. максимально согласовывая свои потребности, способности, желания с жизненными обстоятельствами, достигая чувства удовлетворенности, то реализуя высшие общечеловеческие ценности – добра, правды, любви к человеку, справедливости – личность в максимальной степени достигает *человечности* своей жизни, качества ее субъекта.

Но если эти ценности приходят в *противоречие* с теми способами социальной жизни, которые присущи обществу, то мера человечности жизни, достижимая конкретным человеком, зависит не только от его переживания высших человеческих чувств и высших человеческих ценностей, но от его способности реализовать их, *противоречая* реалиям жизни. Эти и другие критерии были положены в основу определения личности в *качестве субъекта* и *принципа субъекта*, определения ее возможности/невозможности достичь этого качества/уровня (К.А. Абульханова).

Философской основой интеграции методологических принципов явился *онтологический* подход (С.Л.Рубинштейн, 1910; 1960–1973). Как известно, первоначально он был применен Рубинштейном к определению психических явлений в «Бытии и сознании» (1957) – как явлений реально существующих, хотя и в других форме и качестве, чем те, которые в философии того времени обозначались понятиями материи, материального. Он доказал посредством принципа детерминизма их специфическую действенность: способность изменять саму личность внутренне и внешне, воздействовать на других людей, на «расстановку сил» в действительности, жизни и т.д. Следующим шагом в реализации онтологического подхода явилось его применение для раскрытия сущности сознания (хотя в определении психического как идеального и субъективного эта сущность сознания как высшего уровня психики уже была обозначена). Если до сих пор соотношение бытия и сознания априорно определялось как противоположность и противостояние объективного и субъективного, а

последнее – лишь как отражение первого, то С.Л.Рубинштейн, в отличие от туманной трактовки материи (объективного лишь по критерию ее существования *до* появления человека), исходит из определения сознания личности как обладающего способностью «объективации», собственного отношения к объекту (которым является не только нечто предметно-материальное).

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ

Онтологический принцип в психологии реализуется в новом *психосоциальном подходе*, являющемся воплощением и следствием интеграции всех методологических принципов психологии: развития, детерминизма, личности, субъекта, социальной обусловленности психического. Если методологические принципы психологии своими операциональными возможностями содействовали теоретическому воссозданию и объяснению сущности психического в его сложнейших проявлениях и функциях, способах существования развития и взаимосвязях, то психосоциальный подход позволил выявлять особенности не только психики, но *ипсихологии людей*, живущих в определенную эпоху и в конкретном социуме, а также специфику менталитетов разных народов. Соответственно, он предполагает бóльшую степень взаимодействия психологической науки с общественными науками – с социологией с ее опросами общественного мнения, исследованиями социальных слоев, страт, складывающихся при той или иной форме государственной власти; с экономикой, отслеживающей экономические отношения; с идеологией, политикой, культурологией и с осуществляющимися в них исследованиями общественного и национального сознания в их специфике и изменениях (а также с областями, занимающимися созданием новейших технологий и инноваций, изменяющими способы деятельности, коммуникации и в целом жизнь людей).

Взаимодействие со всеми этими науками и областями общественной жизни, получение информации об изменениях в жизни людей обогащают психосоциальный подход особой стратегией познания – исследованием психологии людей в широком смысле слова: ее состояния, особенностей и изменений в динамике жизни общества и ее роли в этой жизни.

Введение в число основных методологических принципов отечественной психологии *психосоциального подхода* (А.Л.Журавлев, К.А.Абульханова и др.), осуществленное в ИП РАН в лабораториях истории психологии, социальной психологии и психологии личности, отличающегося от культурно-исторического и социокультурного подходов, явилось фундаментальным достижением психологии конца XX – начала XXI вв.

Психосоциальный подход начал реализовываться еще в 1970-е – 1980-е гг. в социально-психологических исследованиях *реальных коллективов*, выявлении характерных для них отношений, непосредственно связанных с советской экономикой и идеологией. В плане психологии личности психосоциальный подход означал обращение к *реальным личностям*, изучение их сознания, социального мышления, социальных представлений, построение их типологий, связанных с социальными стратами общества.

Очевидно, что при таком подходе учитывается не одна социальная детерминанта, а множество детерминант разного уровня, направленности, силы и характера воздействия. Это позволяет раскрыть в функционировании личности, как в одних случаях ведущими оказываются детерминанты высшего уровня (сознания), которые подавляют детерминанты нижележащего уровня (например, эмоционального) или, напротив, суммируются с ними; как в других случаях детерминанты равной силы при встречном действии «обнуляются», погашают действие друг друга, или сама личность, выступая системообразующей детерминантой, интегрирует все уровни своей функциональной организации и тем самым усиливает общий эффект их действия.

Психосоциальное исследование либо соединяется с социологическими данными, либо в нем самом создаются разной степени общности или конкретности психосоциальные конструкты, причем, не только в их статичном качестве, но в их *изменении* – прогрессивном или регрессивном. Соответственно, если в конце века тема исследования формулировалась как «Личность в изменяющемся обществе», то на рубеже веков и начала XXI в. она уже звучала иначе: «Изменения личности в изменяющемся обществе». При этом уже стали выявляться различия психологии личностей, принадлежащих к разным стратам, согласно социальной дифференциации, стратификации. Комплексный характер психосоциальных исследований заключался в раскрытии связей и взаимодействий реальных объектов разных наук с объектами психологии. Так, абстрактный советский тезис о социальной детерминации личности сменился понятием *жизненной личностной позиции*, причем, занимающей то или иное место в обществе определенного типа и на определенном этапе его развития.

В соответствии с психосоциальным подходом, была разработана концепция *социального мышления*, отличающаяся от теорий мышления общей психологии (К.А. Абульханова).

Мы рассматриваем его как механизм индивидуального сознания личности, в котором так или иначе соотнесены представления о соотношении личности с обществом, позиции в нем с ее жизненным путем, характеризующимся конкретными обстоятельствами, событиями, противоречиями и т.д. Социальное мышление – это быденное сознание личности, ее установки, предрассудки, а также уровень ее образованности, профессионального мышления, отношение к обществу и т.д. С.Московичи (в сотрудничестве с которым проводился ряд исследований по проекту «Сознание – Запад, Восток») ограничивался в своей концепции исследованием социальных репрезентаций. Мы включаем, кроме представлений, процедуры интерпретации, проблематизации и категоризации с целью выяснения того, насколько глубоко/поверхностно,

субъективно/объективно личность мыслит о своей жизни в данном обществе и о происходящем в нем.

Предметом эмпирического исследования являлись представления – экономические, политические, нравственные, представления личности о ее соотношении с обществом (о своей диспозиции и позиции в нем), а также представления об интеллекте, нравственности, деятельности, инициативе, ответственности и т.д.

Стержневым или связующим социально- и личностно-ориентированным представлением выступает *представление личности о себе* соотносительно с обществом, которое выразилось в субъект-объектных категориях и образовалоследующую типологию:

Я = субъект – Общество = объект;

Я = объект – Общество = субъект;

Я = субъект – Общество = субъект;

Я = объект – Общество = объект (Г.Э. Белицкая).

Затем исследовались три составляющие сознания личности: 1) представления о соотношении «Я – общество», 2) проблемность социального мышления и 3) оптимизм/пессимизм (по В.Ленцу и др.⁵) –позволяющие раскрыть его продуктивность/поверхностность. Выявлялась мера активности/пассивности (или продуктивности – термин гештальтпсихологии) мышления, сознания личностей разных социальных страт(ученые, студенты-аспиранты, рабочие и пенсионеры) по наличию в каждой из них большинства/меньшинства типов с более/менее продуктивным сознанием.Становилось очевидно, насколько эта страта, говоря образно,

⁵Включение в комплекс составляющих сознания личности оптимизма/пессимизма (которые, казалось бы, выражают скорее отношение личности к жизни в целом) мы осуществили, опираясь на работы польских психологов, которые исследовали оптимизм/пессимизм как жизненные перспективы личности, относящиеся к временным представлениям. Дополнительным аргументом для интерпретации оптимизма/пессимизма как составляющих сознания личности и *побудителей* ее мышления явилось и то, что в исследовании польских психологов эти установки на будущее рассматривались в связи с решением мировых проблем.Мы же включали проблематизацию в число процедур социального мышления личности (см. Zaleski, Chlewinski, Lenz, 1994).

действительно является *мыслящим слоем* общества, способным понимать социальные проблемы (и в перспективе – их решать).

Не излагая всех результатов обширного исследования, можно отметить некоторые важные факты: продуктивность мышления у интеллигенции при высоких показателях его проблемности блокируется присущим большинству представителей этого типа пессимизмом; у инженерно-технического состава проблемность характеризуется средним уровнем и также блокируется пессимизмом, который усилен осознанием себя объектом по отношению к обществу (власти) как субъекту; высокий уровень конструктивности мышления студенческо-аспирантской страты обусловлен своеобразным суммированием оптимизма, способности мышления к проблематизации и представлением о себе как о субъекте по отношению к обществу, воспринимаемому тоже как субъект.

Примеры приведенных выше исследований позволяют судить о разных эмпирических стратегиях, которыми доказывалась операциональность психосоциального подхода, имеющего огромную перспективу для осуществления исследований в XXI столетии.

С ним самым непосредственным образом связано понятие *менталитета*, выступившее в конце XX в. как своеобразный объяснительный принцип психосоциальных исследований. Так, понятие особенности представлений российской личности об интеллекте при кросс-культурном сравнении с западноевропейскими представлениями можно, только опираясь на определение российского менталитета как соединяющего в себе особенности западного и восточного мировосприятия. В этом проявляются исторические корни *евразийского* менталитета российской личности.

При интерпретации *правового сознания* российской личности его особенность не может быть раскрыта только путем его прямого сопоставления с западной личностью (А.Н.Славская, 2002). Если, согласно С.Московичи, последняя обладает чувством собственного достоинства, то для

русской личности присущи покорность, страдательность, смирение, представления о своем бесправии, о несправедливости. Вместе с тем, русский человек обладает и способностью «расправить плечи», проявить подлинный героизм в борьбе за защиту своего Отечества от внешних вторжений. Для русского менталитета характерно соединение *особого достоинства* как внутренней силы и одновременно покорности судьбе. Российское достоинство всегда покоилось на своеобразной неозабоченности личным благополучием, наивности, благодущии, выражающихся в душевности и щедрости души русского человека. *Отзывчивость* как основная прототипическая черта русского менталитета является не простым «обыденным соседствованием», а также гневом на несправедливость и *состраданием* к чужому горю. Но в любом случае отзывчивость исключает какие-либо признаки индивидуализма с его трезвой западной расчетливостью. Русское сознание всегда имело «уходящий вдаль» горизонт России, а *духовность* – веру в добро и Царствие Небесное. Отзывчивость иногда предстанет как проявление *терпимости* к недостаткам другого, *сострадания* к слабому, обижаемому, гонимому. В свою очередь, терпимость всегда являлась исконно русским проявлением внутренней силы.

Связанной с менталитетом и требующей своего осмысления в XXI в. является *проблема труда* – исторически исконная во все века необходимость и привычка русского человека к труду. Сегодня необходимо сконцентрироваться на проблеме *изменений личности* на фоне *преобразования труда*, которое произошло при переходе русского общества от социализма к современной его организации. При социализме труд имел добровольно-принудительный характер: становился непосильным при добровольном принятии личностью повышенных обязательств в социалистическом соревновании – его социально-психологической «социалистической» стимуляции. И тем более ошеломляющим для русского менталитета оказался переход к обществу, часть которого стала жить нетрудовыми доходами. Установившийся в России капитализм

осуществился путем прямого захвата (приватизации) народного достояния, недвижимости и всех форм капитала. Соответственно, в сознании людей возник *разрыв связи труда и капитала*. Труд сменился делом управления, осуществляемого государственными служащими всех уровней, а для значительной части населения – поддержанием своего существования. Труд как производство начал восстанавливаться только сегодня.

Однако произошел разрыв не только между капиталом и трудом, но и между *народом, капиталом и государственной властью*, а также между *трудом и деятельностью* (маркетинг, СМИ, банковская сфера и т.д.). В настоящее время социальная организация трудящихся распространяется на мелкий, средний и более крупный бизнес и ее следствия – безработица, уровень инфляции, снижение зарплаты и т.д. – психологически лишила людей важнейшей для сознания личности востребованности, а также привычно «привязанной к зарплате» стабильности, породив, одновременно с этим, чувство неуверенности в завтрашнем дне, ненадежности, страха. Исчезновение понятия «производительность труда» лишило личность сознания причастности к жизни государства, его благосостоянию.

В советский период *ответственность личности* поддерживалась государственными механизмами, институциями и санкциями и потому в целом носила, скорее, вынужденный характер. Согласно Б.Ф. Ломову, ограничение самостоятельности производственных предприятий и учреждений, административно-командные методы руководства, отчуждение людей от власти породили тип личности, для которого были характерны социальная пассивность, недостаточность инициативности, «сниженное чувство ответственности».

Сегодня одним из направлений исследований в российской психологии выступает рассмотрение связи *ответственности* с *преодолением трудностей* (совладающим поведением) (Крюкова, 2005; Дементий, 2005; Муздыбаев, 1983; 1998; и др.). Трудность же (во всех ее вариантах – бедности жизни, необходимость ее защиты и сохранения в

военные и мирные времена, непосильность труда) была фундаментальной особенностью российской жизни. Готовность к преодолению трудностей, стойкость перед их лицом исторически присуща российскому народу, его менталитету. Жизнь русского народа всегда осуществлялась *«вопреки»*. И очень важно, чтобы в XXI в. ценность для россиян комфортной жизни, не будучи исключена из мотивации достижений личности, не обесценила в сознании общества эту способность личности к преодолению трудностей как проявление ее жизнестойкости.

Несомненно, примеры подвига параолимпийцев, мужества сотрудников службы МЧС, героическое служение стране наших воинов являются свидетельствами достижимых человеком ответственности и силы духа. Но они нуждаются в общественном одобрении и поддержке. Общество всеми средствами должно поддерживать и пробуждать в людях чувство ответственности. Ответственность – это качество личности, опережающее реальное осуществление ею деятельности, состоящее в ее уверенности в том, что она будет выполнена (даже при непредвиденных и неожиданно возникающих трудностях). Это своеобразная гарантия личности в том, что *при всех условиях* результат будет достигнут *своими силами*. Установка на собственные силы, на первый взгляд, противоречит присущей российской ментальности общинности, коллективизму (как принято на Руси, *«осилим всем миром»*). Но подлинный коллективизм достигается максимумом усилий *всех* и при ответственности *каждого*.

Особое, можно сказать, уникальное, значение психосоциальный подход приобретает при постановке *проблемы субъекта*. Эта уникальность проявляется в том, что он дает возможность подойти и к собственно теоретико-методологическому пониманию субъекта и к его жизненно-практическому выявлению.

Следует отметить, что психологические исследования в последние десятилетия концентрируются на *проблеме субъекта*: происходит определение субъекта как понятия, категории и принципа.

Как известно, проблема субъекта как философско-антропологическая, онтологическая была введена в отечественную философию еще в начале XX в. С.Л.Рубинштейном (в ее новой постановке, отличной от гегелевской и всех предшествовавших ей). В 1920-х гг. он представил субъекта в качестве имплицитного методологического принципа, объясняющего способ связи сознания и деятельности в психологии. На протяжении всего психологического периода творчества Рубинштейна субъектный подход реализовался им преимущественно для раскрытия сущности предмета психологии и ее стержневого (в тот период) понятия личности.

В 1950-х гг. С.Л.Рубинштейн обосновывает *онтологическую природу психического* и в работе «Человек и мир» доказывает *онтологический статус субъекта*. Самопричинение и саморазвитие как способность субъекта раскрывает его гуманистическую и творческую сущность, выступающую в качестве высшего уровня развития и достижения человека в мире. Онтологический статус субъекта доказывается в контексте отношения «Человек в Мире», что позволяет охарактеризовать субъекта как способ бытия человека – не только существования, а осуществления, реализации своей человеческой сущности. Последняя обращена не только на самосовершенствование самого себя, но на мир. Субъект выступает преобразователем действительности, творцом и созидателем мира, превращающим бытие как сущее в себе в существенное для человека.

Диалектичность построения Рубинштейном новой философской парадигмы состоит в том, что ее опорные категории определяются не как обособленные сущности – сущность субъекта и сущность человека. Нерасторжимое единство двух ведущих категорий создает методологическое пространство для раскрытия на этой основе становления *человека в качестве субъекта*, а субъекта – как *возможности и способности человека*. Этой взаимообратимостью категорий открывается путь к категориальному движению, диалектичности и динамичности положений философской парадигмы Рубинштейна.

Самая большая и еще не выявленная сложность и глубина философской концепции С.Л.Рубинштейна состоит в том, что принципиальное доказательство онтологичности субъекта не означает, что человек, имеющий возможность достичь этого высшего уровня своего развития и бытия, всегда его достигает, т.е. всегда тождественен субъекту. С одной стороны, человек как субъект – преобразователь и творец мира. С другой стороны, он оказывается в позиции, при которой мир детерминирован в качестве личности, т.е. субъектно-деятельностная детерминация человеком мира осуществляется при встречной детерминации человека миром. Мир «сопротивляется» деятельности человека, поскольку уже имеет свои закономерности организации, которым не уподобляется, но которые должен учитывать человек в своей деятельности⁶. Снятие противоположности субъекта и объекта связано с тем, что мир не отчужден от человека – он создан им и живет в нем. Субъект ограничен в своей самодетерминации, поскольку как человек он детерминирован созданным им миром. Субъект, сохраняя свободу самодетерминации как способность «творческой самодеятельности»⁷, саморазвития и достижения человечности, как человек в своем бытии в мире реализует ее лишь в той мере, в какой он способен противостоять, учитывать, преобразовывать, реализовывать различные детерминанты его бытия миром. Он приобретает качество субъекта лишь в той мере, в какой способен решать противоречия между глобальными детерминантами: идущей от него к миру и диктуемой ему миром. Таким образом, определение сущности человека как субъекта превращается только в *возможность стать субъектом*, живя в мире; абсолютность детерминации превращается в *вероятностную*.

Соотношение же детерминант высшего категориального уровня: «субъект – человек – бытие человека в мире» может быть расшифровано

⁶Это удачное одновременно философское и жизненное понятие «сопротивление» употребляет в своих работах французский психолог Поль Робордель, явившийся инициатором, организатором и даже спонсором перевода избранных трудов С.Л.Рубинштейна на французский язык.

⁷Это ключевая рубинштейновская формула.

через категорию *жизнедеятельности человека в мире* (Рубинштейн, 1997б). Она включает потребность как жизненную необходимость, «привязывающую» человека к миру, делающую его зависимым от законосообразности организации мира, и способность создавать новое в мире, в котором осуществляется человеком эта жизнедеятельность.

Кроме того, необходимость жизни в созданном человеком мире имеет разную модальность – это необходимость общественной организации жизни; согласование с предметностью человеческой действительности; следование оформившимся общественным способам осуществления деятельности; включение в формы и способы объединения людей. Они представляют необходимость и в виде условий, и в виде требований жизнедеятельности. Но необходимость сочетается и с возможностями развития и совершенствования человечества во всех формах, создаваемых творчеством отдельных индивидов и их объединениями: культурой технической, промышленной, духовной и т.д. Эта возможность существует в оптимально социально организованных обществах, в оптимальных способах осуществления деятельности.

В какой степени категория субъекта распространяется на все уровни человеческого бытия: общество, социум, группы, личности?

Не любой социум является субъектом (если вообще может им быть). Социумам не присуще качество субъекта в силу происходящих в них и между ними войн, явления терроризма, легкости уничтожения людей, массовости их бедности и смертности, пока неразрешимых противоречий между благополучными государствами и находящимися в бедственном положении и т.д.

Определенные общности людей в конкретном социуме, где существуют необходимые условия, не просто создают новый продукт, но и *творчески осуществляют деятельность*, что позволяет обозначить их деятельность как *субъектную*. Соответственно, появляется методологическая необходимость в раскрытии правомерности и условий употребления понятия

«*субъектный*». А последнее требует введения критериев, поскольку необходимо уточнение того, какое явление, качество человека приобретает субъектный характер – деятельность, определенный характер отношений людей и т.д. Обоснование может ориентироваться на критерии, выделенные в принципе субъекта (хотя они еще не полностью раскрыты).

Проблемой является также выявление онтологического качества (и способа) бытия человека, обозначаемого понятием *субъективное*. Его онтологическую природу доказал С.Л.Рубинштейн при определении им предмета психологии в формуле «психическое как идеальное и субъективное» (Рубинштейн, 1957), и это доказательство подтвердил В.И.Слободчиков, употребивший словосочетание «*субъективная реальность*» (Слободчиков, 1994). Предпринятый В.И.Слободчиковым ход очень важен методологически, поскольку он придал субъективности статус *реальности*, т.е. онтологический статус (и онтологически особенный – онтогенетический статус)⁸, хотя и в философии, и в психологии распространена интерпретация субъективного как *противоположного объективному* (как истинному, подлинному).

В психологии понятие субъективное употребляется в разных значениях без раскрытия их содержания (например, «субъективная картина мира»). По нашему предположению, субъективное в предельно широком значении этого термина раскрывает способ духовно-душевного переживания, внутреннего проживания жизни, ее воссоздания личностью. Это единство внешнего и внутреннего, особым экзистенциальным способом осуществляемое личностью, ее мировоззренческие чувства, жизненные состояния (позитивные, негативные, противоречивые), поиски себя и самоопределение в соотношении с жизнью и т.д.

В.И.Слободчиков определяет *субъективность* как становление внутреннего мира человека путем способности отнестись и к своей

⁸При этом он ссылается на философские концепции недавнего времени: Г.С. Батищева, М.М. Бахтина, В.П. Иванова, Э.В. Ильенкова, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, Ф.Т. Михайлова и др.

собственной природности, и к своей социальности, к самому себе одновременно с выработкой практического отношения к своей жизнедеятельности. В этом смысле субъективность – имманентная способность *быть для себя* (В.Н.Мясищев, 1960; В.П.Иванов, 1977). Механизмом, осуществляющим эту способность, считается *рефлексия*, которая, в соответствии с концепцией С.Л.Рубинштейна, рассматривается как определение «своего способа жизни», выработка ценностно-смыслового отношения к ней.

Необходимо добавить еще одно существенное определение. Выработка отношения и к себе, и к своей природной и социальной ипостасям, и к своей жизнедеятельности фактически является процессом *отчуждения*, т.е. отношения ко всему – к «Я», к жизни и т.д. – как к объекту моего отношения. Но становление субъективности неизбежно предполагает и присвоение. И только в последнем происходит преобразование отчужденного в мое субъективное. Именно в присвоении отчужденное становится моим, т.е. уникально неповторимым в своей онтологической реальности как субъективного. В актах диалогов «Я – не Я», «Я – другой», «Я – жизнь как мое инобытие» недостаточно определяется ценность самореализации действительно *для меня*. Только при *интеграции* присвоенных отношений как переинтерпретированных в соответствии с внутренним целым каждое отношение получает *свой ценностный статус*. Можно отметить, что именно на уровне определения субъективного в психологии мы обращаемся к *личности* как создателю субъективности онтологически. Способность «стать самой собой» как высшее достижение, самоценность личности осуществляется посредством психики и сознания, их онтологических возможностей.

Принцип субъекта дает критерии-ориентиры поиска становления субъектом, а психосоциальный подход, исследуя реальные образцы человеческой самореализации, находит в них такие, которые при сопоставлении с критериями (или одним из них) могут быть

квалифицированы как присущие высокому «званию» *субъекта* или проявлению *субъектности* и *субъективности*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психосоциальный подход и принцип субъекта являются, с одной стороны, интегрирующими все ранее разработанные методологические принципы психологии, с другой стороны, – перспективными, открывающими стратегию дальнейшего развития психологии.

Психосоциальный подход является ключевым для исследования *реальной* психологии, сложившейся на рубеже веков. Принцип субъекта в этом аспекте является воплощением *идеала* – того, какой в будущем может стать психология личности человека. Одновременно он содержит ключевые позиции, критерии, опираясь на которые возможно выявлять становление личности субъектом и в настоящее время. Однако в этом случае необходимо учитывать ограничение, заключающееся в определении *меры* этого становления. Последнее требует уточнения и дополнительного исследования.

Разработка и применение обоих принципов, происходящие в настоящее время, позволяют ответить на вопрос о том, какова роль психологии личности в современном обществе. Речь идет о том, насколько общественная, социальная «расстановка сил», которая сегодня в связи с экономическим кризисом и другими обстоятельствами вызывает противоположные – оптимистические и пессимистические – настроения, во всяком случае, атмосферу тревоги и неопределенности, может быть оптимизирована определенным психологическим настроением преобладающей массы населения, создаваемым различными психологическими службами, организациями, центрами, выражаясь философскими терминами, – насколько сегодня сознание может повлиять на бытие. Это в значительной степени зависит от учета в эшелонах власти психологии людей. Переход к демократическому обществу не означает «отпущенности» последнего. В государственных решениях о тех или иных реформах должно присутствовать опережающее знание о психологическом характере их восприятия, о

возможных негативных психологических последствиях. Оперативное регулирование экономического состояния общества должно сочетаться с разработкой *общедоступной для понимания людей перспективы его развития*. Для этого необходимо участие психологов, социальных психологов, специалистов по психологии управления и организации в разработке прогнозов развития и принятия текущих решений. Дефицит психологического настроения не менее значим, чем дефицит бюджета именно в нашем обществе.

Таким образом, на рубеже веков в психологии осуществилось более глубокое осмысление ее методологических принципов, реализация их конструктивных возможностей для теоретико-эмпирических исследований, намечены задачи и перспективы разработки методологических основ психологии.

Литература

- Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности. М.: Мысль, 1973.
- Абульханова К.А.* Диалектика человеческой жизни. М.: Наука, 1977.
- Абульханова К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–21.
- Абульханова К.А.* Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 32–41.
- Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
- Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
- Ананьев Б.Г.* Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1980.
- Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Наука, 1975.
- Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Барабанищikov В.А.* Системный подход в психологии // Вопросы психологии. 2007. С. 146–151.
- Богданович Н.В.* Категориальный подход в истории психологии // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4 «Методологические проблемы

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. № 1 Том1)

историко-психологического исследования. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2002. С. 203–216.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.

Гносеология в системе философского мировоззрения / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Наука. 1983.

Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Дементий Л.И. Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности: Автореф. дисс. ... д-ра психол. М., 2005.

Карнов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В.А. Парадигмальные основания советской психологии как единой научной школы // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. Материалы Международной конференции по истории психологии «V Московские встречи». 30 июня – 3 июля 2009 г. / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейника. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 46–56.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М. 2005.

Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1980.

Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008.

Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2.

Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Мазилев В.А. Психология на пороге XXI века: Методологические проблемы. Ярославль, 2001.

- Малкей М.* Наука и социология знания. М.: Изд-во «Прогресс», 1983.
- Муздыбаев К.* Психология ответственности. М.: Наука, 1983.
- Муздыбаев К.* Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2. С. 37–47.
- Наука о науке / Пер. с англ., под ред. В.Н. Столетова. М.: Изд-во «Прогресс», 1966.
- Полани М.* Личностное знание. М.: Изд-во «Прогресс», 1985.
- Принцип развития в психологии /Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1978.
- Платонов КК.* Проблемы способностей. М.: Наука, 1972.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Из-во АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1973.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997а. С. 214–425.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997б.
- Рубинштейн С.Л.* Заметки по методологии истории и общественных наук // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 426–435.
- Слободчиков В.И.* Становление и развитие субъективной реальности в онтогенезе (психологические основы проектирования образования): Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1994.
- Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 360.
- Степин В.С.* От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990.
- Философия и наука. М., 1972.
- Zaleski Z., Chlewinski Z., Lenz W.* Importance of and optimism-pessimism in predicting solution to world problems: an intercultural study // Psychology of future orientation / Ed. Zb. Zaleski. Lublin, 1994.

INTEGRATION OF THE METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF RUSSIAN PSYCHOLOGY AT THE TURN OF THE CENTURY

К.А. Abulkhanova*, V.A. Koltsova**

**Academician RAE, professor, chief researcher of the Institute of psychology RAS, Moscow, Russia;*

***Professor, deputy director of the Institute of psychology RAS, Moscow, Russia*

Abstract. The subject of consideration is the history, current state and prospects of the development of methodology problems of Russian psychology. The article reveals a system of fundamental methodological principles and approaches of psychology: the unity of consciousness and activity, determinism, development, the balance of biological and social; the social aspects of personality mediated by the mental activity; subjective-active and ontological approaches; principles of historical, complex, systemic and psychosocial research of psychic. It determines the scope and constructive possibilities of their application in the studies of psychic reality. It analyzes the historically changing definition of the subject of psychology, understanding of the nature and essence of psychic. It outlines the most promising methodological approach, which integrates all the methodological principles and opens up new horizons for the development of psychological knowledge – psychosocial and subjective.

Keywords: methodology of psychology, methodological principles, problems, the subject of psychology, man and the world, personality, subject, activity, communication, life path.